

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ НАУКИ

Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»

2013. № 2 (3). С. 176–202

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 902(571.1/.5)

Университетской научной археологии Северной Азии – 95 лет

Г. И. Медведев

Иркутский государственный университет

Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН

Аннотация. Предложены историографические сведения, посвященные юбилейным датам в жизни Байкало-Сибирской вузовской научной археологии, созданной в Иркутском государственном университете в 1918 г. Содержание статьи обращено к трем юбилеям. Первый – сам Иркутский университет и его ровесник – первое научно-учебное подразделение археологии на историческом факультете. Пятидесятилетием отмечено создание в 1962–1963 гг. на историческом факультете научно-учебного подразделения – Лаборатории археологии и этнографии. Двадцатилетие успешных геоархеологических изысканий отметила в 2013 г. Иркутская совместная лаборатория археологии и палеоэкологии (ИАЭТ СО РАН – ИГУ), созданная в 1993 г. на базе университетского НИЦ «Байкальский регион» и кафедры археологии и этнографии. В юбилейный сюжет «субконтинентального масштаба» вписаны события региональные и местного значения. В действительности их сложно подразделить, поскольку связи между этими образованиями давно вышли из ранга формальных, статистических и работают во взаимовхождении органического – университетского – свойства. Приведенные факты и соображения изложены очерково-репортажным стилем – другой размер избрать было невозможно.

Ключевые слова: Северная Азия, Иркутский государственный университет, НИЦ «Байкальский регион», ИЛАП ИАЭТ СО РАН, геоархеология, палеолитоведение, байкаловедение.

Университет – это великое товарищество одного на всех...

Введение

Все без исключения события, что имеют сегодня место в общественно-политической жизни стран мира, в личном быту людей, есть элементарные проявления поступательных движений эволюции технологического вещества. Более 3,5 млн лет назад человечество состоялось в механике создания палеотехнологического синтеза потребностей органического и возможностей неорганического веществ и тем самым бесспорно ввело себя в «магистраль неограниченной эволюции» технологий Человеческого Разума. Глобальное эволюционное движение форм видоразнообразия технологического вещества, кажущегося медленным в течение геологического времени, реально образо-

вано постоянством (перманентностью) революционных возмущений. Мемориальная память людей выбирает из нескончаемой массы возмущений и сохраняет, преимущественно, эпизоды, потрясающие общественное якобы спокойствие, присваивает им степень масштабности, длительности, значимости воздействия, личные имена и др. Давно замечено, что возмущения с завидным постоянством возникают в десятилетиях, обнимающих рубежи столетий, и не зависят от имен народов, стран, населенных этими народами, общественно-политических устройств и возрастных показателей государственности.

События рубежных времен представляются спонтанными, хаотическими, сложными в распознании и еще более трудными в понимании. Однако все происходившее, происходящее неизбежно-реально, и случится с обязательностью то, что должно случиться, состоится именно то, что обязано состояться. *Tertium non datum!* Специалисты последующих лет будут полемизировать по вопросам обстоятельств, причин, формулировать обвинения, оправдания, мажорные лозунги, придумывать формы и содержания исторических ярлыков. Но те, кому выпало быть современниками событий, обречены в них участвовать. Отменить или заменить событийную цепь процессов невозможно – только активное участие «за» или «против».

События российской современности в области реформирования высшей школы, в целом обучения, образования России, инициированные якобы волей и степенями развитости интеллекта административных верхов власти страны, управлениями образования Российской академии наук, суть разноплановые и разномасштабные результаты вышеозначенных глобальных эволюционных процессов. Они располагают только к необходимым конструктивным действиям. Последние должны иметь формы развития, продуцирующего коллективные локальные и межрегиональные ассоциации, способные к организационному росту, к выработке конвенциональных междисциплинарных решений в инновационной тематике научных изысканий, внедряемых в образовательное программирование, в производстве кадрового поколения нового качества. В основы современной активной проектно-строительной вузовской деятельности могут быть взяты конструктивные позиции, сформированные высшей школой СССР и России в конце XIX, прошлого – начале текущего столетия, представленные в вузах страны различными формами реализации, имеющие пролонгацию в сегодняшней действительности.

Иркутский университет, обладающий богатым интерьером дисциплинарно-организационного разнообразия, может быть избран полем продуктивных региональных аналитических регнозных процедур и уверенного прогнозирования результативности проектных разработок. Университет за 100 лет от своего рождения испытал многие модификации организационно-управленческого устройства, являлся, является, будет являться генератором периодических инновационных проектов и внедрений. Опыт вуза в его факультетских историях может быть взят образцом описаний, анализа и оценки форм будущего развития в современной непростой практике преобразований высшей школы. Примером интерьерного рассмотрения может быть принят любой факультет. В данном контексте фигурирует судьба исторического факультета.

Исторический факультет

Факультет, который именуют традиционно историческим, в наши дни надо было бы назвать факультетом *интеллектоиндустрии*. Он действительно образует индустриальное производство уникальных ценностей интеллекта, поскольку в своих научных изысканиях и образовательно-учебных студиях работает со всей протяженностью эволюции видоразнообразия технологий человеческого разума расстоянием в геологическом времени более 4 млн лет. Факультет проектировали близким к таковому портрету еще за два года до открытия в октябре 1918 г. Иргосуна, т. е. в 1916 г., в трудное для России военное время. Тогда царь-батюшка и Государственный совет утвердили первым его ректором сибиряка, известного иркутянам в 1900–1905 гг. по выборам городского головы Моисея Матвеевича Рубинштейна. По просьбе последнего приват-доцент Санкт-Петербургского университета этнограф Бернгард Эдуардович Петри с 1916 г. начал формировать первую группу будущих студентов истфака в составе кружка «Друзья музея – Народоведение». Таким образом, один из двух главных факультетов – исторического и юридического – исторический (историко-филологический) открылся как бы уже частично подготовленным. Это обстоятельство определило особенности жизни исторического факультета ИГУ в XX в. – его оригинальное становление, очень сложную, трудную, но настойчивую линию развития, современное строение и перспективы предстоящих рабочих модификаций.

Необходимость композитного гуманитарного образования, которое сегодня потребно как воздух, осознавалось передовой сибирской общественностью еще со времен зарождения сибирского университетского дела в первой половине XIX в. Поэтому коллектив ученых-гуманитариев в годы становления исторического факультета Иргосуна был подобран весьма впечатляющим. В общем составе выделялись личности профессора М. М. Рубинштейна (философа-антрополога, психолога, педагога, первого ректора ИГУ), профессора И. Г. Франк-Каменецкого (египтолога с мировым именем, семитолога, специалиста в области истории Древнего Востока), профессора Б. К. Пашкова (крупного российского востоковеда), профессора Н. Д. Миронова (индолога, санскритолога), профессора Б. Э. Петри (этнографа, археолога, религиоведа петербургской школы). Первым деканом историко-филологического факультета был избран профессор Владимир Иванович Огородников, автор пионерной научной монографической сводки по истории Сибири.

В первом академическом году (1918–1919 гг.) на историко-филологическом факультете функционировало три отделения – историческое, восточное и словесное; шесть кафедр – русской истории, общей истории и первобытной культуры, философии, сравнительного языкознания, славянской филологии, русской литературы и словесности. К концу года количество студентов достигло 327 человек.

Историко-филологический факультет непрерывно преобразовывался, это своеобразный почерк эпохи. В апреле 1920 г. историческое отделение вошло в состав гуманитарного факультета, который в июне 1921 г. был реорганизован в факультет общественных наук (ФОН). В марте 1922 г. был восстанов-

лен гуманитарный факультет с историко-филологическим отделением. Сотрудники и студенты факультета плотно взаимодействовали со специалистами иных направлений в тематических исследованиях первого на восток от столичных вузов научно-исследовательского Биолого-географического института (БГНИИ). К сожалению, поиски путей нового университетского образования советского типа не всегда способствовали динамичному развитию истфака. В 1926 г. историческое отделение было вообще закрыто. Педагогический факультет ИГУ был преобразован в Иркутский педагогический институт, где было открыто историко-экономическое отделение и велось обучение историков. Из поколения историков университета, если можно так сказать, «цокольного» основания, вышли личности очень масштабной значимости – Ф. А. Кудрявцев, С. В. Шостакович, М. М. Герасимов, А. П. Окладников, И. В. Арембовский, которых с полным правом можно называть «генераторами исторических знаний междисциплинарного, международного статуса». В 1930 г. как бы совсем закрыли университет. Но политика большевиков в один год дала городу Иркутску из факультетов Иргосуна созвездие новых вузов – феномен «университетской радиации». Университет благополучно открыли в 1931 г. Наступившие последние годы фазы становления Иргосуна есть основание называть «селективным десятилетием» иркутской высшей школы.

30-е гг. XX столетия, сложные в целом для СССР, Иркутский университет, конечно, переживал трудно. Многие из тех, кто пришел на исторический факультет с открытием университета или потом работал на истфаке после 1940 г., в 1937–1939 гг. подверглись арестам по подозрению в антигосударственной деятельности. Некоторые (П. П. Хороших, Г. М. Константинов и др.) получили сроки, были отправлены в ссылку – «из Сибири в Сибирь». Профессор Б. Э. Петри, В. И. Сосновский, В. И. Огородников, П. Г. Полторацнев, Я. Н. Ходукин погибли. «Оттепель» пришла только к 1940 г. В январе 1940 г. губернская партийная власть обсудила положение Иркутского университета в деле подготовки необходимых квалифицированных кадров, 10 апреля Госкомитет по делам высшего образования принял решение об открытии в Иркутском университете исторического и филологического факультетов. В мае того же года был назначен декан историко-филологического факультета, только что освобожденный из-под ареста «по подозрению» доцент, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма Лев Александрович Петров. К июлю наскоро смонтировали две кафедры – истории СССР (М. А. Гудошников) и всеобщей истории (С. В. Шостакович), объявили набор студентов на 1940–1941 учебный год. Факультет заработал, как положено, с сентября 1940 г. Началась восстановительная реабилитация. В 1940 г. возрожденный факультет «делали» сообща: самый первый декан возрожденца Л. А. Петров, два заведующих кафедрами М. А. Гудошников и С. В. Шостакович, И. В. Арембовский – археолог, палеонтолог из Палеонтологического кабинета ИГУ, вчерашний аспирант П. Х. Гребнев (кабинет марксизма-ленинизма), Ф. А. Кудрявцев (архивист и преподаватель педагогического института). Потом – годы войны, эвакуация, забросившая в Сибирь и в г. Иркутск многих интересных специалистов-историков. Наконец, послевоенное восстановление.

Организационно-строительные десятилетия 1940–1950-х гг. возвратили преподавание практически всех былых научных направлений факультета, разгромленных в конце 1920–1930-х гг., обогатили их новыми идеями – археологию, этнологию, отечественную, мировую историю. В самый накал Великой Отечественной войны, но уже на фоне уверенных побед Советской армии, страна думала о послевоенной творческой жизни. В 1944 г. было образовано во всесоюзном масштабе Научное общество студентов (НОС), мгновенно модифицированное самими студентами в НСО. Научные кружки заработали во всех вузах СССР. В Иркутском университете, организовавшем первую общевузовскую научную конференцию студентов в 1940 г., кружки НСО заработали сразу же от Постановления руководства Высшей школы. Через два года после войны в ИГУ был создан студенческий историко-филологический научный кружок, восстановивший и открывший первым заседанием в 1947 г. научный студенческий вектор в университетском историческом образовании. На рубеже 1940–1950-х гг. был сформирован динамичный коллектив преподавателей – Е. М. Даревская, Н. Д. Овсянникова, М. П. Петрушина, Г. С. Мальцев, А. А. Мухин, В. Т. Агалаков, И. И. Кузнецов, С. Ф. Коваль, В. Г. Тюкавкин, Ю. Л. Шервашидзе, И. В. Арембовский, П. П. Хороших, Е. А. Гурари. Это, можно сказать, первая сборная кадровая волна, в которой чувствителен человеческий компонент военных лет. И этот компонент будет жить на факультете до 1980-х гг. В эти годы исторический факультет явился базовым основанием для возрождения юридического факультета ИГУ, в чем особая роль принадлежала кафедре всеобщей истории С. В. Шостаковича. М. А. Гудошников, С. В. Шостакович – «повивальные отцы» новорожденного факультета. Ф. А. Кудрявцев органически вошел в команду «командиров» истории. Эти три фигуры и в науке, и в преподавании были теми маяками, которые безоговорочно привлекали к берегу исторического факультета приливы все новых молодых талантов, убежденных историков-исследователей и обществоведов.

Срединная половина 1950-х гг. для факультета была началом периодических защит диссертаций молодых специалистов и объективным формированием иркутской «исторической школы» на базе исследований университетской группы (М. А. Гудошников, С. В. Шостакович, Ф. А. Кудрявцев и др.) и группы педагогического института (В. И. Дулов, В. Г. Тюкавкин и др.). Два взаимосвязанных факультета ведущих иркутских вузов олицетворяли и как бы идейное единство, и профессиональное соперничество в преподавании, в научных изысканиях однопрофильной ориентации. Это было чрезвычайно важным явлением, и оно было отмечено серией высоких оценок научной межвузовской сибирской общественности. Не без влияния такой благоприятной соревновательной ситуации конец 1950-х и все 1960-е гг. для исторического факультета ИГУ можно определить «десятилетием аспирантов и валовых защит диссертаций»: С. В. Шостакович, В. П. Олтаржевский, В. В. Яровой, Н. Н. Щербаков, М. П. Аксенов, А. В. Дулов, В. В. Свинин, Г. И. Медведев, Л. П. Любимов, Н. С. Вахрушев и др. Буквально «на плечах» этой второй волны специалистов в жизни факультета в 1970-е гг. вошел и

сформировался новый поколенческий пласт – Н. К. Струк, В. Г. Башкиров, Н. Е. Единархова, Н. А. Савельев, Г. Н. Новиков, Т. А. Степанова, Л. П. Савельева, В. И. Дятлов, Б. С. Шостакович, С. И. Кузнецов, А. С. Маджаров, А. Д. Агеев, Л. М. Дамешек, А. Г. Генералов, П. Е. Шмыгун, В. К. Ершов, Г. В. Оглезнева, Т. А. Перцева, Л. В. Шапова. Процесс кадрового роста обрел качества перманентности. В штатное расписание факультета органически вписалась кафедра истории КПСС П. Х. Гребнева – Б. С. Санжиева. В ее составе вместе с активной молодежью успешно работали фронтовики.

В конце XX – начале XXI в. прилив кадровых волн на факультете продолжался – Л. О. Игумнова, Т. П. Кальянова, Д. В. Козлов, А. В. Костров, Е. А. Липнина, Е. А. Матвеева, И. В. Чапыгин, С. Ф. Шмидт, А. Г. Новиков. Этот контингент современного пласта преподавательских кадров уже втянут в процесс строительства исторического факультета в XXI в.

Лихорадочное и не ориентированное в рабочую перспективу реформирование высшей школы России, начавшееся в 1980-х гг., получившее морально-административный допинг в ельцинском перевороте (1991 г.), достигшее явно реакционного накала в первом 12-летию XXI в., обнаружило живучесть и университета, и факультета, готовность факультета к модульной организации научно-образовательного производства, к векторному развитию этого качества. Под фиктивным лозунгом спасения факультета в его кафедральный состав была введена кафедра политологии. Это был прямой результат ограниченности перспективного мышления бывшего партийного руководства, развившего в вузах страны (после кризиса 1929 г.) общеуниверситетские кафедры пропагандистской политико-партийной ориентации. Факультет принял «осиротевшую» кафедру, укомплектованную его бывшими выпускниками, и приступил к ее методической конструктивной модификации.

Коллектив исторического факультета еще в 1960–1970-е гг. успешно работал над совершенствованием организации своего внутреннего строения в научных исследованиях и формах внедрения результатов науки в образовательный процесс, преследуя одну из главных целей – интенсификацию поливалентной интеллектуальной и практической деятельности.

Последовательно – инициативно от кафедр, с помощью ректората, парткома КПСС ИГУ и деканата – на факультете были созданы научно-учебные лаборатории археологии и этнографии (кафедра всеобщей истории), истории (кафедра истории СССР), востоковедения (кафедра всеобщей истории). Параллельно с организацией лабораторий, а затем и на их основе были введены в учебный процесс специализации по основным предметам. На рубеже 1970–1980-х гг. научно-историческим советом факультета (В. В. Яровой, Г. И. Медведев) было предложено и поставлено к исполнению программное мероприятие о формировании в составе факультетских подразделений кафедры иностранных языков научно-тематического профиля. Первой штатной единицей в составе кафедры всеобщей истории вошла редкостный (и единственный в Сибири) специалист в области латинского языка, кандидат филологических наук В. И. Краснова, открывшая экспериментальное направление «Язык в культуре». В 1986 г. лаборатория археологии и этнографии была

вписана в штат университетских научно-исследовательских подразделений. Этим фактом документировано начало новых процессов, которые имеют развитие в наши дни: лабораторный метод обучения студентов, формирование научно-исследовательских подразделений плюралистической междисциплинарной ориентации и организации. Не реализованные по разным причинам, но сохраненные идеи С. В. Шостаковича, М. А. Гудошникова, В. И. Дулова о создании научно-исследовательского исторического подразделения в системе Академии наук в Иркутске в 1949 и 1957 гг. стали близки к осуществлению после 1986 г. На лабораторной базе факультета и по инициативе кафедр, деканата, ректората ИГУ, при всемерной поддержке областной администрации и обкома КПСС в 1989 г. началась работа, завершившаяся в 1992 г. созданием научно-исследовательского Центра международных гуманитарных программ (ИНИЦМГП). Его утвердил ученый совет университета и приговорил «быть отныне и при факультете, и при научной части университета». На первых порах в него вошли все гуманитарии ИГУ, хотя через два года его работа обеспечивалась и ныне исполняется только археологами и этнографами. Но от этого импульса радиация развития вызвала к жизни межрегиональный институт общественных исследований – МИОН, совместную лабораторию археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ (филиал Института археологии и этнографии СО РАН), вошедшую в НИЦ геоархеологии и этнологии в 1993 г. Двадцать лет, минувших от тех дней, – очень мало для итоговых подсчетов. Но серия интересных изысканий и открытий, исполнение государственных проектов, работа с международными партнерами в совместных грантовых проектах Канады, Южной Кореи, Монголии, Японии, Англии, США свидетельствует о высокой продуктивности подобной организации.

В настоящее время исторический факультет располагает уникальными возможностями для подготовки высококвалифицированных специалистов, способных нестандартно решать сложные задачи в различных сферах политики, экономики, науки, культуры и образования. Этому способствует высокий профессиональный уровень педагогического состава – на факультете работают 12 докторов и 24 кандидата наук, известных своими исследованиями в России и за ее пределами. Ученые факультета составляют кадровую основу старейшего в нашем регионе совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по историческим наукам. Это дает основание историческому факультету Иркутского университета наряду с Новосибирским и Томским университетами занимать ведущее место в научном и педагогическом процессе в Сибири, развивать свою историческую школу. Подразделения факультета сегодня публикуют три журнала научно-исследовательских серий «История», «Политология», «Геоархеология. Этнология. Антропология» в составе «Известий ИГУ» с периодичностью два номера в год*. За годы своего существования факультет подготовил свыше пяти тысяч историков. В их числе заслуженные учителя России, преподаватели лицеев и вузов, кандидаты, доктора наук, профессора, члены-корреспонденты и академики. Окончить

* С 2014 г. – 4 номера в год.

исторический факультет означает получить не только специальность историка и овладеть высшим гуманитарным образованием, но стать интеллектуальным гражданином развивающегося нового общества. Современный уровень подготовки историков, специалистов-международников и политологов обеспечивается также за счет контактов с ведущими российскими и зарубежными научно-образовательными центрами США, Канады, Франции и Польши, Китая, Монголии, Японии и Новой Зеландии, а также международными организациями, включая ЮНЕСКО. Студенты и аспиранты факультета имеют возможность учиться и стажироваться за рубежом, защищая магистерские и докторские степени. Область применения знаний для выпускников исторического факультета довольно широка. Они работают в системе среднего и высшего образования, сотрудниками академических и отраслевых научных институтов, музеев, финансовых компаний, туристических и рекламных фирм, в информационно-аналитических департаментах федеральных и региональных органов власти. Среди выпускников факультета – политические деятели, руководители предприятий, учреждений и банков не только нашей страны, но также ближнего и дальнего зарубежья. Часть выпускников успешно реализует себя, работая в средствах массовой информации, общественно-политических организациях и силовых структурах. В Восточной Сибири только исторический факультет ИГУ ведет подготовку по специальности «международные отношения», включая обязательное изучение двух иностранных языков. Выпускники факультета способны успешно работать в любых государственных и негосударственных структурах, имеющих как российские, так и международные контакты. У факультета динамичные рабочие перспективы.

Неординарная жизнь кафедр исторического факультета может очень рельефно иллюстрировать самые различные аспекты вузовской кафедральной деятельности. В 1918 г. на истфаке в числе шести кафедр значились кафедры общей истории, истории России и истории первобытной культуры. Они пережили многие коллизии в двух фазах развития университета. В текущем времени начала XXI в. они живут и участвуют вместе, каждая в своих динамических модификациях, в общефакультетских и своих – «домашних» – событиях.

Археология Восточной Сибири, точнее ее западной части – Байкальской Сибири или Байкальской Азии [Константинов, 1994; Проблемы научной экспертизы..., 1996], обозначилась еще на рубеже XVII–XVIII вв. как неотъемлемый фактор общечеловеческого «ретролюбительства», прежде всего путешественников и военных. В науку археологические познания стали активно оформлять во второй половине XVIII в., и в этом благом предприятии прошел весь XIX в.

Археология в обширной – субконтинентальной стране – Байкальской Сибири от рубежа XIX–XX вв. могла состояться композицией регионального археологического краеведения при ВСОИРГО и нарождавшегося в первом десятилетии XX в. академического байкаловедения. Фактически в это время пионерные стационарные археологические изыскания на западном побережье оз. Байкал, начатые в 1912 г. приват-доцентом Санкт-Петербургского университета этнографом Бернгардом Эдуардовичем Петри, уже реально объединя-

ли региональную археологическую практику Географического общества, академические исследовательские начинания и разработки школ археологии столичных университетов в одно направление. Эволюционной и революционной судьбам российской государственности сибирскому вектору евразийской археологии уготовано было формироваться в первой четверти XX столетия как вузовской науке, всецело связанной с историей создания Иркутского государственного университета.

Кафедра археологии, этнологии, истории древнего мира. 1988–2013 гг.

Кафедра археологии и этнографии официально была выделена из состава кафедр всеобщей истории исторического факультета ИГУ и утверждена приказом по университету 6 декабря 1988 г. Эти действия не были для коллективов возникших новых кафедр долгожданным фактом. Кафедры были организованы в 1918 г. одновременно и почти 10 лет до 1928 г. экспериментально-периодически соединялись, переименовывались и разъединялись. Эта тенденция обнаружилась потом и в 1940 г. Создание кафедры археологии и этнографии в 1988 г. диктовалось потребностями перспектив развития факультета как динамично-модульного научно-образовательного подразделения вузовской категории.

Весной 1919 г. археологическая (этнологическая) группа, названная «Кружком народоведения», торжественно провела свое первое заседание в специальном помещении, оснащённом коллекциями ископаемых изделий в музейных витринах. В составе заседавших были и мальчишки-гимназисты, в дальнейшем совершившие немало славных дел во благо российской науки – И. В. Арембовский, М. М. Герасимов, Г. Ф. Дебец, Н. А. Флоренсов. Археология Иркутского государственного университета вступала в жизнь организованно и серьезно. Родилась «школа Петри».

С 1922 г. археологи Иркутского университета обретают научно-исследовательские базовые позиции в Биолого-географическом научно-исследовательском институте вуза, который иногда называли и «губернским», и даже «сибирским». Он очень долго оставался единственным вузовским НИИ на восток от Москвы и Урала. Отцом его и научным руководителем был В. Ч. Дорогостайский, научным наставником гуманитариев и действительным членом БГНИИ – профессор Б. Э. Петри. Исследовательские усилия университетской археологии пытались охватить побережья оз. Байкал, берега рек платформенных территорий Приангарья, горные долины Саян вплоть до Хубсугула – серьезные географические пространства. Тематика изысканий Б. Э. Петри и его вчерашних подростков, а теперь – студентов, коллег, обнимала фактически всю мыслимую в то время шкалу ископаемых древностей: от палеолита до этноархеологии и реальной этнографии народов Прибайкалья. Е. И. Титов, П. П. Хороших, В. И. Сосновский, Г. П. Сосновский, Г. М. Константинов, В. И. Подгорбунский, Я. Н. Ходукин, П. Г. Полтораднев, А. П. Окладников, М. М. Герасимов, Г. Ф. Дебец, И. В. Арембовский, многие другие и сам Б. Э. Петри – имена, фактически не сходящие со стра-

ниц университетской, городской и губернской прессы в связи с открытиями и раскопками древностей Байкальской страны. Б. Э. Петри функционировал и в губернском масштабе научных советников, и в Комитете по делам народов Севера (малых народов), и в консультативной работе с молодой комсомольской организацией и губернским антирелигиозным активом. В 1923 г. историки организовали и провели первую в Сибири учебную археологическую студенческую практику под руководством ассистента Б. Э. Петри В. И. Сосновского. К 1924 г. археологи Иркутского университета представляли собой коллектив, который посетивший Иркутск В. А. Городцов назвал «иркутской школой археологии». Школа функционировала и тогда, когда закрыли в том же 1924 г. исторический факультет ИГУ. В 1926 г. – последний выпуск студентов. Кафедру истории первобытной культуры профессора Б. Э. Петри сохраняют под названием кафедры хозяйства народов Сибири. В 1930 г. кафедру закрывают, не известив об этом заведующего (Б. Э. Петри, архив БГНИИ, 1934). Школу рассредоточили, но она и в такой ситуации успешно работала в проектных изысканиях 1930–1936 гг. по изучению ложа водохранилищ каскада будущих ангарских ГЭС. В 1937–1938 гг. все руководство иркутской археологической школы – Б. Э. Петри, Я. Н. Ходукина, В. И. Сосновского, П. Г. Полтораднева, В. Ч. Дорогостайского – расстреляли. Часть «школяров» сослали, часть спаслась в столицах. Сохранились в Иркутске только двое активистов школы, генераторов мысли – И. В. Арембовский и В. И. Подгорбунский. Судьба нещадно мотала их всю жизнь, но они остались верны «школе» и прикипели к университету навсегда...

В 1940 г. в ИГУ открыли историко-филологический факультет. Археология по кафедре всеобщей истории преподавалась И. В. Арембовским. Четыре с половиной года Второй мировой войны, ставшей для России Великой Отечественной и принесшей стране славу победительницы, конечно, никак не могли способствовать развитию профессиональной научной археологии. Единственный «рабочий петринец» в Иркутске – И. В. Арембовский, чудом уцелевший и в 1937 г., и в Сталинграде, вернувшийся в 1944 г. с тяжелым ранением, немедленно возобновил преподавание археологии на кафедре всеобщей истории С. В. Шостаковича. В 1947 г. старший преподаватель исторического и геологического факультетов И. В. Арембовский организовал первую послевоенную официальную полевую археологическую работу – масштабные раскопки Верхоленской горы. На кафедре всеобщей истории С. В. Шостаковича начался реальный процесс возрождения «расстрелянной» иркутской археологии. Он удивительным образом совпал с началом плановых спасательных археологических работ в зоне строительства Иркутской (Байкальской) ГЭС – первой станции ангарского каскада. Научным руководителем экспедиции был «петринец» – А. П. Окладников.

Формирование штата руководителей, личного состава, исполнителей работ этой экспедиции производилось на базе Института истории материальной культуры (ИИМК) АН ССР и Ленинградского университета. В 1955 г. началась организация спасательных археологических раскопок в зоне затопления Братской ГЭС. Это была, как бы, пролонгация работ на Иркутской

ГЭС. Экспедицией руководил А. П. Окладников, работавший в разведке этих районов в 1930–1936 гг. В 1959 г. были исполнены авральные спасательные археологические раскопки на побережье оз. Байкал. Работы выполнялись полностью силами ЛО ИИМК (М. П. Грязнов) и Ленинградского университета. А. П. Окладников в это время дорабатывал Братский узел и начинал «строить» археологический академический центр в Новосибирске.

С 1954 г. на исторический факультет Иркутского государственного университета подали заявления абитуриенты, имевшие целью получение знаний и профессии археолога. Первыми из них стали П. Б. Коновалов и В. В. Свинин. Они были зачислены в вуз, приобретя еще в школе опыт работы с археологами П. П. Хороших, А. П. Окладниковым и склонность к методической работе с древностями. С их приходом в историческом кружке студенческого общества Иркутского университета оформилась археологическая секция, благословившая многих на разные серьезные начинания в будущем. Скоропостижно ушедшего из жизни зимой 1954 г. И. В. Арембовского должен был заменить Э. Р. Рыгдылон – опытный археолог, исследователь и эрудит-востоковед, но он тяжело заболел. Пришедший на кафедру всеобщей истории П. П. Хороших был «сохраненным петринцем». В 1955 г. он защитил первую в Иркутском университете кандидатскую диссертацию по археологии «Пещерные стоянки как исторический источник».

В 1956 г. к изучению кайнозойских отложений в зоне ложа будущей Братской ГЭС и соседних территорий приступила Геолого-палеонтологическая экспедиция Института геологии Восточно-Сибирского филиала Академии наук СССР (ГПЭ ИГ ВСФ АН СССР). Научный руководитель, член-корреспондент АН СССР, геоморфолог Н. А. Флоренсов (самый молодой петринец) и его ученик, начальник экспедиции, кандидат геолого-минералогических наук Н. А. Логачев образовали в составе этого большого подразделения археолого-стратиграфический отряд под руководством доктора исторических наук профессора М. М. Герасимова (любимца Б. Э. Петри). Отряд по работе был Мальтинско-Усть-Бельский. Кадровой базой отряда стал исторический факультет ИГУ. Время работы БППЭ – 1956–1960 гг. – следует считать этапом выраженного качественного движения в формировании профессиональных археологических кадров нового – тогда современного – стандарта в методологии, методике, подходах и не только для университета, но и для Иркутска и Средней Сибири в целом.

В 1959 г. завершился первый цикл археологических и геологических авральных работ на объектах строительства каскада ангарских ГЭС. Молодые археологи Иркутского университета остались один на один со всеми огрехами проведенных работ, откровенно различимых невооруженным глазом еще при их производстве. Одновременно началось строительство археологического научного интерьера в сложноорганизованном здании самого Иркутского университета.

В марте 1960 г. на базе Иркутского университета, шире – «иркутской школы историков», собрали всесоюзное совещание Сибири и Дальнего Востока, посвященное проблемам истории производительных сил этого огромно-

го созвездия регионов и перспективам их развития. Археология была представлена тематикой региональной, но обеспечена личным составом союзного масштаба. В подавляющем большинстве все исследователи древнейших производств были нынешними и вчерашними студентами, хорошо знакомыми друг другу. Это археологическое собрание получило статус первой региональной археологической студенческой конференции (РАСК-1). В мае 1960 г. в поле выехала первая иркутская археологическая экспедиция комплексной организации: Иркутский университет, Институт геологии ВСФ АН СССР и Областной музей краеведения. При экспедиции состоялась первая (после 1920-х гг.!) штатная учебная студенческая полевая археологическая практика. В сентябре 1960 г. при кафедре всеобщей истории была открыта аспирантура по археологии. При кафедре философии ректорат создал общеуниверситетскую школу-семинар, обязательную для всех аспирантов Иркутского университета (профессор Л. А. Петров). Образовалось качество регулярности научной подготовки. Для университетской археологии это время рубежа 1950–1960-х гг. не грех назвать «иркутским археологическим дебютом». Он имел физическое выражение в плановой – заказной – археологической разведке всей илимской зоны будущего водохранилища Усть-Илимской ГЭС.

Пролонгация археологической научно-исследовательской регулярности логически модифицировалась в решение кафедры всеобщей истории осенью 1962 г. образовать добровольное лабораторное археологическое подразделение. С. В. Шостакович рассчитывал через такое предприятие создать на истфаке первичную основу гуманитарного исследовательского комплекса. В феврале 1963 г. Лаборатория археологии на общественных началах при кафедре всеобщей истории была утверждена ректором ИГУ, профессором П. Ф. Бочкаревым. Г. И. Медведев – общественный заведующий и первый аспирант, М. П. Аксенов – археолог-дипломник, Ю. Н. Егоров, Н. Н. Щербатов, О. А. Роговской – студенты – составили первый коллектив «добровольцев-лаборантов».

В 1962 г. начался процесс коллективного написания многотомной «Истории Сибири». Работа была срочная. Командовали процессом А. П. Окладников (Новосибирск) и В. И. Шунков (Томск). Исторический факультет Иркутского университета был по персоналиям приглашен к исполнению данной работы. Фактически это был «демонтаж» иркутской «исторической школы», но внешне он выглядел успехом. В состав авторского коллектива были введены и молодые археологи, материалы которых были использованы в 1-м томе «Истории Сибири», вышедшем сигнальным вариантом в 1964 г. в Улан-Удэ.

Своим чередом развивался непрерывный поток сведений о фиксации новых находок ископаемых культурных запасов. Сегодня он уже требует непосредственного государственного участия в организации плановых картографических работ по соответствующим программам сплошной крупномасштабной геоархеологической съемки. В то время, к 1967 г., сведения разных лет от разномасштабных и разнохарактерных разведок, спасательных, тематических археологических экспедиций, случайных сообщений геологов, находок местных жителей уже обрели объемы массива межрегиональной зна-

чимости и с неизбежностью подводили к необходимости упорядочения представлений о географии изысканий, геoarхеологии положений и о предстоящей перспективе работ. Они требовали разработок в тематике изысканий, в режимах времени, кадрового и финансового обеспечения. Возникла неизбежная потребность определения границ регионов изысканий, последовательности производства работ и договорных взаимодействий с соседними территориальными подразделениями. Первыми определились в планах изыскательские площади по Верхнему и Нижнему Витиму, по Канско-Енисейской лесостепи, по северному и южному Байкалу, югу Иркутского амфитеатра, Предсаянской депрессии. Этот процесс регионирования интерьера исследований совпал по времени с самыми первыми шагами в развитии международных тематических связей – с Японией, Канадой, США.

В 1967 г. ректором Иркутского государственного университета был избран Николай Фомич Лосев – выпускник университета в Ростове-на-Дону, физик, человек неординарный, потомственный казак, обладавший огромным энергетическим потенциалом, организаторскими способностями и обостренным чувством перспективы. Десять лет его ректорства были временем резкого подъема всех отделов университетской жизни. Вполне естественно, его деятельность самым положительным образом отразилась и на развитии исторического факультета.

Во второй половине 1960-х гг. коллективом Лаборатории археологии был выполнен ряд весьма важных тематических заданий общей и объектной полевой археологии.

1. В 1965 г. были проведены экстренные спасательные работы на погибающем палеолитическом местонахождении Красный Яр I в зоне действия активного затопления Братской ГЭС. Объем работ (более 3000 м³) был огромен, время – 3 месяца, но молодой коллектив обнаружил способность к организованным длительным методичным работам на объектах, сложных в строении и трудоемких в разнообразии исполнения.

2. В нижнем течении р. Белой был сформирован стратотип последовательностей геoarхеологических образований сартан – поздний палеолит, мезолит, неолит (1966–1969 гг.). Это позволило утвердиться в мнении, что квалификация сотрудников лаборатории развивается в необходимом направлении и удовлетворительном методологическом исполнении.

3. Летом 1969 г. был открыт пласт раннепалеолитических артефактов из камня, подвергшихся в раннем плейстоцене деструкции поверхностей пескоструйными потоками ветровых натисков арктических палеопустынь. Тем самым была зафиксирована фактически неограниченная тематическая ретроспектива будущих научных изысканий в сфере ископаемых культурных запасов.

4. Осенью 1969 г. специальный маршрутный отряд лаборатории (Д. И. Дементьев, Н. И. Дроздов, Г. И. Медведев, О. А. Роговской) осуществил рекогносцировочные работы в зоне будущего водохранилища Богучанской (Кодинской) ГЭС – четвертой по счету в долине р. Ангары – в Северном Приангарье от с. Кеуль до пос. Заледеево (405 км).

Разведочные работы в Северном Приангарье, вкуче со всем уже приобретенным опытом, вызвали первые конструктивные сомнения относительно научной рентабельности сезонных магистральных поисковых археологических маршрутов в ложах крупных водотоков Сибири без создания плацдарменных стационаров. Визуальный обзор «Богучанского коридора» обнаружил в Северном Приангарье морфотехнологическое разнообразие археологических материалов в неоднозначности их геоморфологического размещения и многовариантности гео- и техноседиментаций. Механика «поиск – фиксация» здесь была крайне непродуктивна. Конструктивность схем-рекомендаций Н. А. Логачева – С. В. Шостаковича стратотип – стационар – регулярная радиально-сетевая поисковая коррекция – съемочное утверждение региональной изученности, конечно же, была оптимальным вариантом организации исследований. Он обсуждался совсем еще молодыми археологами после «десанта-59» на байкальские побережья (Л. П. Хлобыстин). Но отменить длинномаршрутные разведки в Северной Азии при всем понимании проблемы еще долго будет невозможно. По крайней мере, это живет в желаниях, представлениях, необходимых безысходностях. Тем не менее тактика «опорных пунктов» присутствовала во всех магистральных разведочных маршрутах коллектива археологов ИГУ в 1970–1974 гг. Чунская разведка 1970 г. (Г. И. Медведев, М. Г. Туров), приведшая к рождению полевой стационарно-маршрутной этнографии; Канская разведка 1972 г. (Д. И. Дементьев, А. Г. Генералов, Ю. Н. Марченко, Н. А. Савельев), взявшая узловыми районами Канский и Усть-Брагинский участки для Канско-Енисейской лесостепи; Ленский маршрут 1971–1973 гг. (М. П. Аксенов), определивший серию будущих опорных полигонов; само Северное Приангарье, где участник первого маршрута-69 Н. И. Дроздов начал стационарные работы на терминалах (Чадобец-Ката) и в мидdle территории (Усть-Кова). На оз. Байкал с 1973 г. начался «лимнологический» этап геоархеологического байкаловедения. Здесь избранными стали Ольхонско-Чивыркуйский плацдарм и Северный Байкал, Верхний Витим (1974 г.), где сразу были означены узловые районы: Усть-Каренга в верховье и Бодайбинско-Мамская площадь в среднем течении в совместной разработке с якутскими археологами Ю. А. Мочановым и С. А. Федосеевой. В 1974 г. означены были первые шаги в научном археолого-этнографическом освоении районов Большого Саяна (Ю. С. Пархоменко, А. В. Гусак) и штатном закреплении этнографической научной специальности (М. Г. Туров). Взяты в пример, конечно, только главные исследования.

Подобный подход к созданию обширной междисциплинарной источниковой базы в конце 1960 – начале 1970-х гг. может свидетельствовать о достаточной зрелости как понимания общих проблем научного прогнозирования, так и рабочей исполнительности в тематических разработках.

К рубежу 1970-х гг. формируется очередной цикл поворотных моментов в развитии исследований ископаемых древностей на истфаке ИГУ. В принципиальном виде была сформулирована, опробована и многократно предложена методика лабораторного типа обучения в высшем образовании. Она составляет фундамент строения глубоко эшелонированных исследовательских

позиций университетской науки в целом. Серьезность новаций археологов исходила прежде всего из общей концептуальной практики коллаборантного* развития форм движения науки и образования высшей школы, начиная с XIX в., и на историческом факультете ИГУ была предложена еще в начале 1960-х гг. (Г. И. Медведев, М. П. Аксенов, Н. Н. Щербаков и др.). В 1965–1968 гг. руководство страны предприняло очередную законодательную инициативу в политике отношений к ископаемым и живым культурным запасам, уже получившим термин «историческое и археологическое культурное наследие». Это было прямым укреплением позиций знания. В 1968, 1969, 1970 гг. последовательно были защищены три кандидатские диссертации (Г. И. Медведев, М. П. Аксенов, В. В. Свинин), выполненные на материалах интерьерных университетских изысканий. Защиты очень способствовали укреплению и развитию лабораторного подразделения кадровых позиций. В 1970 г. в строй вошло новое необходимое научное направление – полевая и теоретическая этнография (М. Г. Туров, тогда еще студент). Факт «прироста» служил выражением активного развития науки. В 1970 г. лабораторное подразделение получило (заработало) первую штатную единицу – ставку заведующего лабораторией (Н. А. Савельев). В 1971 г. в издательстве Иркутского университета в свет вышла первая официальная научная публикация – сборник статей монографического типа «Мезолит Верхнего Приангарья». В 1968–1971 гг. было создано Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры – ВООПИК. Профессор С. В. Шостакович и его археологи стояли у истоков этой организации. Деятельность лабораторного подразделения кафедры всеобщей истории, таким образом, вписывалась органически и конструктивно в общий поток научных и общественно-организационных движений как внутри факультета, университета, так и за их пределами.

В 1970 г. появились признаки относительного постоянства научно-исследовательских археологических контактов лаборатории факультета с японскими университетами, прежде всего Токио. Была предпринята коллективная работа по изданию в Японии книги-справочника по археологии Сибири и об археологах Сибири (профессор Синпей Като, профессор Като Кюзо – бывший военнопленный Озерлага, капитан Квантунской армии).

Назревшие теоретические, методологические, научно-образовательные проблемы археологии в высшей школе потребовали собрать в Иркутске в 1975 г. на базе лабораторного археолого-этнографического подразделения ИГУ первое всесоюзное совещание по археологической номенклатуре. Проведенное с успехом совещание так и состоялось пока единственным тематическим в истории развития научной археологической терминологии. В нем приняли участие многие студенты из разных вузов страны. Их доклады были включены в публикацию совещания и стали реальной «провокационной» основой для издания тезисов РАЭСК с 1976 г. От этого года и до сего дня ведет свой непрерывный счет регулярная публикация всех студенческих докладов сибирских молодых археологов. Около 40 фолиантов ежегодных студенче-

* В данном контексте «коллаборант» – коллега, солаборант, сотрудник.

ских работ по археологии, этнографии, палеоантропологии демонстрируют массовое стремление молодежи к результативности кадрового профессионализма.

В конце 1976 г. археологические службы университетов Токио и Мэйдзи пригласили Г. И. Медведева для ознакомления с археологическими местонахождениями Хонсю и Хоккайдо, обсуждения возможности будущих тематических совместных работ и консультативных диалогов по ряду проблем археологии Азии. Этот визит явился началом развития конструктивных отношений вузовской иркутской археологии с археологическими коллективами Страны восходящего солнца.

К этому моменту лаборатория и археолого-этнографический музей ИГУ были введены в проектный реестр структурных подразделений университета. Фактически оформился возможный в то время количественный штатный состав технического персонала лаборатории. Руководящие кадры проходили по штатному расписанию кафедры, как и сегодня. За прошедшие 14 лет лаборатория выросла в самостоятельное научно-исследовательское и учебно-изыскательское подразделение с оригинальным блоком тематических ориентаций. В 1978 г. состоялось необходимое творческое объединение исследовательских направлений в интерьере университетского научного общежития – межфакультетский и межкафедральный союз археологии и почвоведения (М. А. Корзун, Г. А. Воробьева). Сегодня этот альянс так же продуктивен, как и в те годы. После участия лаборатории в XIV международном тихоокеанском конгрессе (Хабаровск, 1979 г.) и включения ее коллективным членом в Совет проблем мирового океана «по классу ископаемых культурных запасов» вопрос о создании научно-исследовательского института получил статус постоянной требовательной проблемы. Проектные идеи С. В. Шостаковича о создании университетского НИИ на базе археологии и этнографии таким образом имели перманентное движение.

В 1980 г. силами лаборатории была начата работа, колоссальная по своей бескрайности завершающего объема, – паспортизация объектов археологического наследия Байкальской Сибири (Н. Е. Бердникова). В 1981 г. начальником научно-исследовательской части университета был назначен А. Г. Генералов, выпускник университета 1973 г., археолог иркутско-ленинградской «выпечки». Этот факт очень важен как показатель уровня теоретической, методологической, научно-профессиональной подготовки в развитии археологического подразделения и его основного места в системе ИГУ. Все означенные объекты в целом определяли предстоящие реорганизационные движения в порядках планирования работ лаборатории. В 1980-е гг. археологическое подразделение ИГУ вывело на полевые изыскания тремя партиями до 12 экспедиционных отрядов.

Серьезным стимулятором в развитии процессов будущих преобразований стало участие коллектива лаборатории в составе членов-организаторов IX международного конгресса ИНКВА (INQUA-IX-1982) в Москве со специальными экскурсиями на Байкал, в Тункинскую долину Восточного Саяна с демонстрацией объектов палеокультуры в отложениях плейстоцен-голоцена.

В 1986 г. Лаборатория археологии со своими обоснованиями, планами развития, программами научных исследований, кадровым расписанием была утверждена в штате университета научно-исследовательским подразделением археологических и этнографических исследований. Это событие ускорило все процессы дифференциаций по науке и образованию внутри подразделения и на факультете в целом.

В 1988 г. состоялось выделение кафедры археологии и этнографии из единого состава кафедры всеобщей истории. По признакам и принципу профессионализма в организации научного производства и преподавания археологического и этнографического отделов знания это был неизбежный и необходимый акт. С точки зрения политики, идеологии, тактики, конструкции административной практики – вопрос спорный. Но генерализация дисциплинарных вузовских направлений в интерьере университета получила официальное признание.

В 1989 г. в парткоме и ректорате ИГУ, а далее в партийном и административном руководстве Иркутской области вновь был поставлен вопрос о необходимости создания внутри университета специального научно-исследовательского и образовательного подразделения археологической и этнографической ориентации. Одновременно руководством Института истории, филологии и философии СО АН СССР, лично академиком А. П. Деревянко было предложено ректорату Иркутского университета создать на базе существующих в вузе лаборатории и кафедры археологии и этнографии новое подразделение – Иркутскую совместную лабораторию археологии и палеоэкологии под двойным руководством – академическим и вузовским.

В 1990 г. СО РАН на базе Института археологии и этнографии и Новосибирского университета провел одну из крупнейших международных конференций по проблемам геологических обстановок плейстоцена-голоцена и вписанных в них палеокультурных процессов у народов, обживавших Северную Азию и Северную Америку в позднем кайнозое. Алтайский, Енисейский и Прибайкальский регионы были определены плацдармами научных экскурсий типа демонстрационный маршрут-семинар. Иркутский университет организовал экскурсию протяженностью более чем в 1500 км, начав ее в областном городе, через поселки Осу, Усть-Орду, Качуг, завершив ее водным маршрутом от Ольхонского-Маломорского района вдоль западного берега Байкала. В этом мероприятии были продемонстрированы уникальные геоархеологические сюжеты, проведены их неординарные обсуждения, дискуссии, состоялись принципиальные договоренности о будущих совместных научно-проектных усилиях.

В 1990 г. был опубликован со свидетельством на внедрение итог почти 16-летней работы коллектива лаборатории в разработке крупномасштабной основы-бланковки археологической карты всеобщего пользования. Создана была принципиальная схема – основа будущей инструментальной геоархеологической съемки (Н. Е. Бердникова, Г. И. Медведев, Н. А. Савельев).

Байкало-Сибирский научно-исследовательский центр региональных геoarхеологических, этносоциальных изысканий и науковедения (НИЦ «Байкальский регион»). 1992–2013 гг.

Изыскания междисциплинарного международного статуса археологов и этнографов принципиально совпадали с разработками на историческом факультете ИГУ по проблемам позиции России в международных процессах былой истории и современной интерьерной динамики (Г. Н. Новиков, В. И. Дятлов, В. В. Яровой, А. Д. Агеев, С. И. Кузнецов и др.). Судьба НИЦ вузовской прописки фактически была решена. В ректорате ИГУ потребовали, чтобы новое научное подразделение – научно-исследовательский центр (НИЦ) – стал «общегуманитарным» и состоял при НИЧ. Это была откровенная тактическая и, конечно, стратегическая ошибка. Но ректор профессор Ф. К. Шмидт был непреклонен, хотя проректор по науке профессор А. И. Смирнов и профессор Г. И. Медведев потратили достаточно времени и сил, убеждая его в бесперспективности «общегуманитарного собрания». В декабре 1992 г. перегруженный «гуманитарный ковчег» приказом ректора отправился в свое непредсказуемое научное плавание. В названии значилось: Научно-исследовательский центр международных гуманитарных программ (НИЦ МГП) при НИЧ Иркутского государственного университета. В мае 1993 г., когда академик А. П. Деревянко и профессор А. И. Смирнов, подписав соглашение о создании совершенно нового, удивительного, как тогда казалось, в своей перспективе вузовско-академического подразделения – Иркутской совместной лаборатории археологии и палеоэкологии СО РАН-ИГУ (ИСЛАП СО РАН-ИГУ), поднимали тост за здоровье тех, кто с успехом будет трудиться в этом подразделении, из гуманитарного университетского «ковчеха» уже успело «сбежать на берег» более 2/3 его населения. Подобная «объединенная арабская республика» при НИЧ существовать не могла органически. В 1994 г. оставались представители только двух кафедр: археологии и этнологии и международных отношений – так сказать, по старой привычке.

В 1995 г. начался период работы археологов и этнографов в международных проектах. Кафедра всеобщей истории и международных отношений сделала ставку на организацию нового подразделения иного плана – Межрегиональный институт общественных наук (МИОН).

Еще в 1991 г. состоялись предварительные переговоры о совместных проектно-тематических работах на археологических объектах Байкальской Сибири с представителями министерства культуры и образования Бельгии. Речь шла о возможности финансирования исследований палеолитического местонахождения в Мальте через организацию совместной экспедиции Королевских музеев истории и искусств в г. Брюсселе и Иркутского государственного университета (Г. И. Медведев, Е. А. Липнина). Одновременно была проведена полевая рекогносцировка под российско-канадский проект на опорных местонахождениях Ангаро-Бельского (Н. А. Савельев) и Ольхонского (О. И. Горюнова) регионов. Проекты были введены в работу в 1995 г. В 2004 г. в реестр международных договоров вошли университет Токио и уни-

верситет Хоккайдо. Российско-бельгийский проект не получил в 1998 г. пролонгацию по причинам, от России не зависящим. Российско-канадский и российский-японский проекты продуктивно развиваются. С 2010 г. обозначились тенденции к их объединению с подключением к означенной триаде Монгольской академии наук и к образованию Восточно-Евразийской геoarхеологической ассоциации долгосрочных международных междисциплинарных изысканий по проблематикам антропогеновой палеотехнологической летописи. Проектно-грантовые успехи НИЦ «Байкальский регион» в 1990-х гг. обеспечили возможность выиграть в 2001 г. крупный долгосрочный проект по науке в министерстве образования и науки под рубрикой «Антропоген – природа и общество – изменчивости – шаги и ритмы». Означенные проекты и последовательное участие в новых научно-исследовательских и научно-практических грантовых предприятиях образуют современный энергетический массив общего движения археолого-этнологических изысканий.

Иркутская совместная лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН и ИГУ (филиал ИАЭТ СО РАН). 1993–2013 гг.

Под наименованием «Иркутская совместная» (ИСЛАП) лаборатория создавалась в 1993 г. и фактически может быть принята современницей НИЦ «Байкальский регион», тем более что проектировалась составной единицей будущего крупного геoarхеологического вузовско-академического формирования.

Академик А. П. Деревянко во второй половине 1980-х гг. приступил к реализации проекта внедрения в вузовскую научно-образовательную сферу археологических лабораторных подразделений со штатными составами академической приписки. Тем самым формировалась конструкция «зонтика» – лаборатории Института археологии и этнографии СО РАН в интерьере тех вузов Северной Азии, в которых в 1950–1970-е гг. явочным порядком уже были созданы археологические подразделения местной разработки с квалифицированными специалистами. Генеральные позиции руководства «хозяйном» проекта – ИАЭТ СО РАН в г. Новосибирске – делегировались Научно-исследовательским частям (НИЧ) вузов как бы на совместных началах. Это предприятие не грех назвать лебединой песней советской академической науки и высшего образования, ощущавших назревшую уже тогда потребность к интегративным связям органического свойства.

Археологический «зонтик» Академии наук, спроецированный академиком А. П. Деревянко на вузовскую сеть российской Северной Азии, был предприятием ресурсного порядка в обеспечении динамики развития текущих и предстоящих колаборантных научных изысканий, перманентно модифицируемых в аудиторные образовательные процессы. Принцип научно-образовательного плюрализма состоялся, и дело исследования древностей Северной Азии к рубежу XX–XXI вв. явно обрело второе дыхание.

В реалиях сегодняшней научно-исследовательской практики, выполнения многообразных образовательно-просветительских функций, оформления и предоставления результатов грантово-проектной продукции, в непрерывной охранно-экспертной работе этот принцип межведомственной совместно-

сти соблюдается неукоснительно, и признаки его качественно-количественного роста умножаются поступательно. В поле же чиновно-педагогического администрирования науки и высшего образования идут иные процессы, ориентированные исключительно на разрыв связей органического свойства, созданных блоком, прежде всего, научных изысканий. Эти процессы, конечно же, обречены, но чтобы выстоять и дожить до радостных минут их фиксированного краха, необходимы коллективные усилия руководства и подразделений, и науки, и образования. То, что создано трудом в продуманной проектной ориентации на реальный (расчетный) успех, не может быть уничтожено. Но сохранить импульс развития созданного в движении можно лишь приращением живых качеств. Эти качества уже есть основания считать концептуально продуцированными.

Научно-учебный музей археологии, антропологии, этнологии (НУМААЭ)

Музей археологии и этнологии (МАЭ) старше Иркутского университета на один год, поскольку группа «Друзья музея» под руководством Б. Э. Петри и сам музей начали создаваться в 1916 г. С октября 1918 г. музей в статусе кабинета при кафедре общей истории (ряд других модификаций ее наименования) осуществлял функции научно-образовательного подразделения (НОП) для студентов и общественности города в доступных лекционных циклах. С 1922 г. Музей археологии, антропологии, этнологии становится подразделением-соревнователем в работе БГНИИ ИГУ. В 1926 г. с закрытием истфака музей был демонтирован частично, но в отделах собрания древних артефактов и фауны его ввели в состав кабинета – музея геологии и палеонтологии ИГУ со смотрителем И. В. Арембовским.

С 1940 по 1967 г. (17 лет!) идет период реанимации музея археологии, антропологии, этнологии ИГУ. В 1967 г. ректор университета, профессор Н. Ф. Лосев оказывает всемерную помощь в создании музея истории и археологии на историческом факультете. С 1970 г. музей и лаборатория археологии многократно упомянуты во внутривузовских документах. В 1973 г. его первоначально начали монтировать в помещениях № 103 и 208 корпуса ИГУ № 2. Музей с помещением, экспозициями, служебной комнатой для сотрудников и зав. музеем был создан окончательно в корпусе № 5 в 1978 г.

Музей сразу же стал научно-образовательным центром (НОЦ) музейной жизни города. При нем был создан методический совет музеев вузов города (МСМ) с регуляцией собраний один раз в месяц. По решению МСМ было начато создание музея истории ИГУ и на его основе музея истории высшего образования в Сибири (корпус № 2 ИГУ). На рубеже XX–XXI вв. возникли внутренние университетские течения открытого непонимания научно-образовательной значимости вузовского музейного дела и в целом археолого-антропологического научного направления. При благопристойном выражении лица ректората ИГУ и в позе благожелательного расположения музей был закрыт в 2002 г., закрыт и в археологической части, и в части нового музейного подразделения – музея истории высшего образования Сибири. Под-

разделения Научно-исследовательского центра геоархеологических, этнологических, региональных изысканий и науковедения и запасники обоих музеев были переведены из корпусов № 2 и 5 в помещение общежития № 1 ИГУ.

Необходимость восстановления научно-образовательного университетского музейного подразделения – вторая реанимация (!), чрезвычайно необходимая научным исследованиям, вузовскому образованию, школьному делу города и особенно в связи с возрастанием потока физических данных (артефактов) продукции исследовательских масштабных работ, также ввиду возрастающих достаточно жестких требований российского законодательства в области фондоградоуправления, вполне очевидна. Потребность учета, надлежащего размещения археологических, этнографических, антропологических и палеонтологических коллекций, находящихся в собственности университета и давно насчитывающих свыше миллиона единиц хранения, их профилактики, описания, фондовой обработки, федерального и международного обмена информацией непрерывно растет. Материалы получены в результате многолетней (последние 50 лет) научно-исследовательской деятельности подразделений университета, и поток их умножается. Ситуация сложилась критическая.

Университет в соответствии с российским законодательством имеет право включить коллекции, находящиеся в его собственности (в федеральной собственности), в государственную часть музейного фонда РФ. Первым этапом, или фазой, этого предприятия необходимо совместными усилиями руководства университета, кафедры археологии, этнологии, истории древнего мира и НИЦ «Байкальский регион» создать музей археологии, антропологии и этнологии ИГУ, оформить его руководство. Это обеспечит университету реальный рычаг управления предстоящими проектными и практическими работами в создании Байкальского национального центра изучения человека.

Музей будет выполнять как научно-исследовательскую работу, так и учебно-просветительскую, что соответствует стратегическим целям, общим организационным задачам и уставу университета. Немалую пользу имиджу и популярности университета в обществе музей принесет, если он будет расположен в удобном для открытого публичного посещения месте. Создание музея также отвечает требованиям российского законодательства, Конституции и ратифицированной Российской Федерацией Европейской конвенции об охране археологического наследия, где отмечается его роль как источника коллективной памяти, инструмента исторических и научных исследований, а также необходимость расширения доступа общественности к важным элементам своего археологического наследия, поощрения публичной демонстрации зрелищных коллекций археологических ценностей.

При должном финансировании и грамотном планировании и развитии музей должен стать одним из лучших, и не только среди вузовских, научно-просветительских центров в сибирском регионе.

Ангаро-Байкальская комплексная геоархеологическая и этносоциологическая экспедиция (КАЭСЭ)

В полной и громоздкой рубрикации археологическое стационарное экспедиционное подразделение записано и утверждено ученым советом Иркутского государственного университета в Положении о НИЦ «Байкальский регион» в 2000 и 2006 гг.

Первыми археологическими полевыми работами отмечено функционирование кафедры первобытной культуры уже в осень 1918 г. Они не прекращались до начала лета 1937 г. Возрождение тематических археологических изысканий полевыми работами надо отнести к 1947 г. (И. В. Арембовский). Регулярными археологические экспедиции исторического факультета ИГУ становятся с 1955 г. (начало работ в поле студентов-кружковцев, археологов). Штатной научно-тематической и базой полевой студенческой практики экспедиция определяется в 1960 г. В 1965 г. приказом ректора по ходатайству профессора С. В. Шостаковича экспедиции присваивается наименование Комплексная археологическая экспедиция Иркутского государственного университета (КАЭ ИГУ). Это было вызвано развертыванием археологических изысканий на различных территориях Байкальского рифта и Сибирской платформы, повлекших объективную дисперсию изыскательских подразделений, а также началом включения в тематику исследований полевых работ этнографов, палеонтологов, геологов-четвертичников и др. Таким образом, в активе экспедиции НИЦ «Байкальский регион» и кафедры археологии, этнографии, истории древнего мира можно уверенно числить 58 полевых сезонов непрерывных изыскательских археологических и этнографических работ.

Как упомянуто выше, в составе ежегодного экспедиционного археологического формирования ИГУ в поле выводилось до 12 полевых подразделений. Последний массовый выезд отрядов был осуществлен в 2008–2012 гг. и показал продуктивную рабочую результативность и высокое качество методического обеспечения изысканий сотрудниками НИЦ. Оно уже отражено в публикациях последних лет. Изыскания 58 полевых археологических сезонов охватили территории Байкальской Сибири и смежных регионов площадью 1 000 000 км². Было открыто, обследовано, раскопано более 960 объектов различного времени и различной сложности залегания. Многолетние стационарные работы на местонахождениях ископаемых культур сформировали фонд вещественных свидетельств древних технологий камня и палеометалла – более 2500 коллекций с общим числом предметного состава более 1 000 000 единиц хранения. Этот фондовый объем сегодня требует специальной обработки силами самостоятельного тематического направления, требующего специфической археологической, палеонтологической, антропологической квалификации сотрудников и соответствующего финансирования. Фонд коллекций продолжает расти непрерывно. Техническое оборудование экспедиционных работ, исчисляемое в составе проведенной выше цифры общего материального обеспечения НИЦ БР, образует соответствующую номенклатурную ведомость, состоит на подотчете материальной части университета, занимает 7 помещений – комнат подвально-складского типа. Общее

число публикаций по тематике археологических изысканий, предметных описаний и анализа в Байкальской Сибири уже давно превысило 3500 авторских тезисов, статей, монографий.

Основная тенденция экспедиционных изысканий, определяемых сегодня совокупностью международных, федеральных, региональных проектных программ геоархеологического освоения азиатской России, выражена в генеральных позициях:

1) изыскания, обращенные поиском вглубь геологического времени и отложений плейстоцена-плиоцена;

2) изыскания, сконцентрированные на методологии реконструкций ритмов, импульсов, шагов в соотношениях климата, технологий производства, социальных устройств в геологической современности, исторических композициях, эсклюзивных биогенетических ситуациях;

3) тематическая география археологии.

Фактически проблемы археологии и этнографии в Иркутском университете подведены к рубежу, за которым достаточно четко означены контуры строения институализированной научно-исследовательской деятельности.

Байкальский национальный центр изучения человека «Квартер»

Человечество возникло, живет, развивается в геологическом и только в геологическом времени. Это время принято и названо официально кварталом (quarter) – четвертичным периодом.

Байкальский национальный центр изучения человека – «Квартер» – можно считать проектом-проблемой, находящейся в работе. Проблема была поставлена перед властными структурами Иркутской области и г. Иркутска в 1962 г. в связи со многими вопросами иностранных ученых археологов, этнографов, антропологов – почему нет органа изучения и фондирования материалов уникальных археологических комплексов неолитических палеоценностей Иркутска, необходимых мировой науке. Поставленная проблема имела рабочую инициативную пролонгацию в серии архитектурных разработок вузовского дипломного уровня в 1980-х гг. (архитектурный факультет ИГПИ-ИГУ). В 2008 г. не прекращавшиеся разработки проблемы поддержало правительство Иркутской области и выделило средства на исполнение архитектурного проекта комплекса зданий на площади древнего могильника «Локомотив» в саду имени Парижской коммуны (губернатор А. Г. Тишанин). В 2012 г. губернатор Иркутской области Д. Ф. Мезенцев отдал распоряжение закончить разработки проекта и начать осуществление строительства Байкальского национального центра изучения человека (БНЦИЧ). По общему замыслу Центр должен иметь функции межрегионального масштаба. Претворение в жизнь данного проекта создаст мощное основание предстоящему и неотвратимому развертыванию научно-образовательных процессов в сферах академической науки, высшей и средней школ региона и в обществе в целом.

Центр образует композицию научных изысканий, обучающих образовательных программных циклов, музейного инновационного строительства,

перманентной туристическо-просветительской деятельности. Центр должен иметь национальный статус. Этот титул должен соответствовать роли древнейшей суши планеты – Сибирской платформы – и значимости Байкала – всепланетной ресурсной научной лаборатории мировых запасов «полезного исчерпаемого», и общему потенциалу Иркутской области как землям особой концентрации разнообразия полезных ископаемых и палеокультурных ископаемых запасов уже в нынешней их изученности и предстоящем освоении.

Стартовый потенциал создания и работы Центра уже обеспечен кадровым составом квалифицированных археологов, этнологов, этносоциологов, биологов, геоморфологов и развитой базой вузовско-академической подготовки кадров любых специальностей в Иркутске.

Организирующие направления блока изучения: геоархеология – этнология – социология – антропология – генетика.

Комплекующие блока: биогеостратиграфия – радиологический анализ – палеотехноморфологические описания и реконструкции.

Оптимальное рабочее взаимодействие будущих блоков Центра имеет базовый опыт многолетних работ учреждений РАН, вузовских структур, подразделений министерств образования и культуры.

Основными задачами центра приняты:

- 1) реальное многовекторное производство научного знания;
- 2) трансляция результатов научных изысканий в учебно-образовательные циклы – координация школьного и вузовского обучения;
- 3) туристическая экономико-просветительская компонента – создание маршрутно-базовой сети объектов «отдых, погруженный в познание»;
- 4) издательская деятельность;
- 5) конференции, симпозиумы, методические школы;
- 6) районные филиалы.

Заключение

Как бы завершая изложенное, есть смысл еще раз оглянуться на историю университета, соразмерив с предложенными фазами его развития события масштабов исторического факультета.

Несмотря на беспрецедентные деструктивные препятствия в первой университетской фазе, историческим факультетом были выполнены работы серьезных масштабов и значимости.

1. Заложены основы тематических разработок гражданской истории региональных и межрегиональных масштабов, прежде всего процессов освоения Сибири, социальных процессов в интерьере ее сообществ, становление промышленного развития и др.

2. Предложены первые версии археологических процессов формирования культур современной этнопалитры Сибири.

3. Сформирована первая гипотеза сибирского палеолита.

4. Предложен компаунд-проект неолитического разнообразия культур Прибайкалья.

В период от 1940 до 1968 г. произошли наиболее важные в истории университета и его факультетов события.

Во-первых, стало очевидным, что потенциал 12 лет становления от факта открытия 27 октября 1918 г. настолько конструктивно прочен, что университет даже в тяжелейших условиях Великой Отечественной войны работал на уровне всеобщего творческого подъема. На историческом факультете в эти годы фактически выполнены важнейшие достижения этой фазы развития – на кафедре всеобщей истории выдвинуты и обоснованы фундаментальные концепции: 1) война как труд в изначальном родовом и классовом античном обществах, С. В. Шостакович (эта работа, к сожалению, опубликованная малым тиражом и в сокращенном виде, остается единственной в море исследований о войне, аналогов ей нет); 2) военные преступления фашистов как вопиющее нарушение международного права, С. В. Шостакович (она пошла в производство до войны и представлена кандидатской диссертацией в 1941 г.); 3) начата долгосрочная проработка проблемы «Специфика родового устройства человечества на примерах пережитков греческого античного общества». Это все – 1940-е гг.

Органическая специфика поливалентности знания кафедры всеобщей истории определила и тематическую многовекторность научных изысканий ее сотрудников: 1) в археологии – П. П. Хороших, «Археология пещер Прибайкалья как исторический источник»; 2) в истории дипломатии – фундаментальное исследование С. В. Шостаковича «Миссия А. С. Грибоедова в Тегеране»; 3) история колониального освоения мира «Ост-Индская компания в Индии и Океании» В. П. Олтаржевского и др.

Кафедра истории СССР, призванная своей организацией к научному исследованию интерьерных процессов страны, масштабно разрабатывала сюжеты, эскизом данные еще в 1920–1930-е гг., о поступательном развитии горнодобывающей, железяделательной, золотодобывающей промышленности (В. Г. Тюкавкин, Н. Д. Овсянникова); о Гражданской войне в России, преподавании истории в вузах и школах (М. А. Гудошников), политической жизни России, культурном строительстве, декабристском движении (С. Ф. Коваль, В. Т. Агалаков и др.) и т. д. Особой и новой тематической направленностью явилась «История Великой Отечественной войны» (И. И. Кузнецов). Она была и пионерной, и творческой проблематикой, поскольку не тяготела к официальному «ура-патриотизму», а открывала существо нетронутых (неразведанных) ресурсов армии, строя, народа, генетически способного учиться побеждать в самых трагических обстоятельствах судеб своей истории.

Фазой развития, которая в данном контексте определена третьей (1968–2013 гг.), произошли события, существо которых серьезно влияет и на сегодняшний день. Это особая тема, отдельного звучания и значения. Ректорат (проф. Н. Ф. Лосев) прогнозировал Иркутский университет в ранг национального научно-исследовательского университета. Это несомненно и убедительно повлияло на все те силы факультетов, которые различали в научных тематических изысканиях именно тот свет в конце тоннеля, к которому были возможности, способности и желания двигаться. Но это породило и оппозицию, и противодействие тех сил, которым удобно было творить «университетскую дрему» параграфо-ведомостного – «учебнико-

вого» – производства учета лишь аудиторных мероприятий («Три единства и три противоположности!»).

Фаза не завершена. Многие моменты ее результативности включены в содержание разделов. Она, несомненно, приведет к выходу из туннеля тех сил, которые уже возвращают и вернут университет к активному и стабильному всеобщему продуцированию науки. Опыт кафедры археологии и этнографии истфака и строительство на ее основе исследовательско-образовательных конструкций, вводимых в оборот сегодня и проектируемых, может очень пригодиться.

Концепция – от лат. слова *conception* со смысловыми наслоениями к нему от европейских языков – может быть представлена в русскоязычной версии как «сформулированная, зачатая и ставшая основной мысль или совокупность взглядов». Она может быть «идеей, замыслом, точкой зрения, суммой действий» и т. д.

Концепция развития исторического факультета ИГУ в XXI в. должна исходить из генеральной позиции университетского дела – изготовление образованных людей широкой эрудиции, свободного пластичного умения конструировать объемные мыслительные агрегации любой иерархической сложности. Из имени факультета невозможно – бессмысленно – изымать термин «история», но возможно, как это имеет место в ряде университетов ближнего и дальнего зарубежья, вводить дополнительно термины «археология», «антропология» и другие, находящиеся в родовой близости с «историей». История, археология, антропология должны быть обеспечены научными центрами типа научно-исследовательской лаборатории, научно-исследовательских институтов, научно-образовательных центров. Политология, музеология, подверженные асинхронной режимной изменчивости, могут иметь подразделения типа лекторско-групповых ассоциаций студенческой молодежи (СНИЛ). В оптимальном варианте – отделенческий статус.

Сегодня истфак со своим научно-дисциплинарным наполнением, расчлененный и дезорганизованный требованиями бакалавриатной педагогизации вузовской науки, все еще стремится сохранить себя «энциклопедией исторических образов». Эта статика была исторически закономерной, но фактически уже давно обратилась во вчерашний день. Сегодня представляется необходимым разворачивать работу в поле многообразия проблем классификации эволюционных процессов технологий интеллекта сложной этиологии, многообразия интегративных связей, неожиданных иерархий, отслеживать и фиксировать их в фазовых стратегиях общего техногенеза. Исторический факультет нового времени должен быть сконструирован научно-проблемным компаундом с блоками общей комплектации тематических направлений, совместимых изыскательно-образовательных векторных ориентаций.

Список литературы

Константинов М. В. Каменный век Восточного региона Байкальской Азии: к Всемирному археологическому интер-конгрессу, Забайкалье, 1996 г. / М. В. Константинов. – Улан-Удэ; Чита, 1994. – 179 с.

Проблемы научной экспертизы и практики изучения геоархеологических объектов Байкальской Сибири: (методология, методы, рекомендации) / Г. И. Медведев, А. Г. Генералов, Н. И. Дроздов, Л. В. Лбова, Е. В. Акимова, Н. Е. Бердникова, В. М. Ветров, Г. А. Воробьева, О. И. Горюнова, А. Л. Заика, С. В. Ласточкин, Е. А. Липнина, В. И. Макулов, С. С. Осадчий, Е. Б. Ощепкова, Н. А. Савельев, Е. В. Ташак. – Красноярск ; Иркутск ; Улан-Удэ, 1996. – 53 с.

95 Years of Scientific Archeology in Irkutsk State University

G. I. Medvedev

Abstract. Historical and geographical data are depicted in the article, dedicated to the anniversaries in the life of Baikal-Siberian scientific archeology, “created and set” at the Irkutsk State University in 1918, furthermore spread all over Soviet and Russian Middle Asia in the 20th century. The article tells us about three heroes of the day. First one and the most important – the Irkutsk State University of 1918 and its first scientific branch of the Historical department. This date, 95 years, has a strong subcontinental meaning not only among archeologists. 1962–1963 were marked with the creation of the Laboratory of Archeology and Ethnography – that was the second “birth” in the history of University and Historical department. In 2013 the 20th anniversary was celebrated for the unique branch of the University – Irkutsk Joint Laboratory of Archeology and Paleoecology of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. This laboratory was created in 1993 on the base of SIC “Baikal region” and the department of Archeology and Ethnography to optimize the academic and scientific efforts in Siberia. In the subject of the “subcontinental scale” included numerous regional and domestic events. They are hard to split as the connections between them are far from formal. The given facts are described in the article with the help of essay reportage style. Another variant doesn't seem possible to be chosen.

Key words: Northern Asia, Irkutsk State University, SIC “Baikal region”, IAE SB RAS, geoarcheology, Paleolithic studies, Baikal region studies.

Медведев Герман Иванович

доктор исторических наук, профессор зав. кафедрой, кафедра археологии, этнологии, истории древнего мира, Иркутский государственный университет; зав. филиалом, филиал Института археологии и этнографии СО РАН «Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии» 664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, u002343@ic.isu.ru

Medvedev German Ivanovich

Doctor of Historical Sciences, Professor Head of the Department, Department of Archaeology, Ethnology, History of the Ancient World, Irkutsk State University; Head of the Branch, Branch of the Institute of Archeology and Ethnography «Irkutsk Laboratory of Archaeology and Paleoecology», SB RAS 1, K. Marks str., Irkutsk, Russia, 664003, u002343@ic.isu.ru